

Чей стон
на Руси
раздается?
Театральных
деятелей:
денег нет,
дотаций нет,
как выжить?
Сегодня
рецепт
жизни —
от Григория
ГУРВИЧА

Известия. — 1997. — 31 окт. — с. 7

От старого подвала до «Старой квартиры»

Подвал, где квартирует наш театр «Летучая мышь», — старый, заслуженный артист. В начале века в нем был театр-кабаре Никиты Федоровича Балиева, который тоже назывался «Летучая мышь». Видимо, летучим мышам хорошо в подвалах и на чердаках.

Затем тут было кабаре «Кривой Джимми» во главе с известным конференсье Алексеем Алексеевым. Потом здесь бывали Театр сатиры, Театр Каверина и долгое время обитал театр «Ромэн», который, по цыганской традиции, кочевал из помещения в помещение и, наконец, с успехом осел в Яру.

Сегодня здесь — учебный театр ГИТИСа и вновь «Летучая мышь». Круг замкнулся.

Считать, что искусство загнали в подвал?.. Звучит эффектно, но не соответствует сути. К подвалам претензий нет. Зритель идет к нам с тем же приподнятым настроением и в том же вечернем туалете, в каком красуется в бенеуаре Большого театра.

Чей стон раздается в наши новые времена? Театральных деятелей: денег нет, дотаций нет, как выжить?.. Наша «Летучая мышь» выживает, не имея из госбюджета ни одной бывшей копейки, ни одного нынешнего миллиона. Спонсоры — да, есть. Но это мои заботы, не государства — найти, заинтересовать, изловить общую выгоду, в результате которой выиграет и зритель. У нас аншлаги на все спектакли... Это, между прочим, весьма раздражает некоторых старших коллег.

Я как-то имел неосторожность сказать в эфире, что многие московские театры — роскошные, хорошо оборудованные и приспособленные к театральному действу дворцы, — могут и должны сами зарабатывать себе на жизнь. Особенно имея в своем творческом букете знаменитые лица и прежнюю сла-

ву, под что расчувствовавшиеся спонсоры охотно дадут деньги. Если завтра, чисто гипотетически, прекратятся дотации всем московским театрам, то «Ленком» не закроется... И еще несколько театров. А вот театры икс, игрек, зет закроются и будут кричать, что виноват Ельцин. А виноват театр, в который не ходят. Люди не хотят видеть то, что их не интересует, они живут в новой стране.

Когда за видеомагнитофон в квартире могли быть неприятности — от занесения в учетную карточку до вселения в зону, когда недоступен был ни Феллини, ни Антониони, ни Коппола — тогда, ясно, аншлаг в любом театре... Да, уже были и Эфрос, и Захаров, и Ефремов, и Любимов, и на их спектакли в кассах стояли очереди, был звездный век перекупщиков. Но и в другие театры, хоть и без ажиотажа, народ ходил. В те времена театр заменял прессу и церковь. Прессу потому, что была острота публицистических откровений — на сцене говорили: «Царь-то у нас дурак!» и зал громыхал аплодисментами, все понимали, о ком это, понимали, что сказка пахнет былью.

А церковь — как духовное слияние, где сцена — единый для всех алтарь, и занавес — царские врата... Был алтарь «Современника», алтарь «Таганки»... Но сегодня театр занял свое собственное место, сегодня можно и в газете найти горькую, но желанную истину, а в церкви — душевное успокоение. И многие театры и их звезд это очень испугало. Они из пророков и ведущих публицистов в одночасье попали на свое исконное место — в артисты, то есть в лицей. И вот тут-то выяснилось, что надо удивлять. Причем удивлять не традиционным, а чем-то новым, свежим. Не в развлекательности дело, а в профессионализме, когда актер делает то,

что ты, зритель, не сможешь. Мастерство — оно очень видно. Поэтому я для своего театра всегда искал и подбирал людей, которые в театрально-технологическом плане очень продвинуты: хорошо могут и петь, и танцевать, и двигаться, и говорить. И желательно, чтобы на них приятно было смотреть: театр-кабаре — не радио. И не телевидение, не «Старая квартира» — передача ностальгически щемящая, в которой заполнившая зрительный зал публика действовала в качестве действующих лиц. По Шекспиру, «весь мир — театр»...

Идея «Старой квартиры» принадлежит АТВ, конкретно Анатолию Малину. Они ее разворачивали вместе с Виктором Славкиным. И просто случайно, по дружбе я стал им помогать. А накануне первой съемки выяснилось, что нет ведущего. Тогда они, тоже по дружбе, выпихнули в эфир меня вместе с температурой 38,5° и соплями. Я стеснялся ужасно, не сразу уловил и тональность передачи, и контакт с залом. А потом для меня наступило иное качество — узнаваемость. «А-а, это тот обязательный толстяк, который каждую неделю приходит к нам в дом? Здравствуйте, здравствуйте!» И это очень приятно. Тем более что сама эта «Старая квартира» имеет настрой на приязнь, на примирение... Если хотите, на исповедь. Люди, которые выходят на сцену, приносят с собой воспоминания и невысказанные слова, накопленные за долгие годы... У кого-то это желание оправдаться, у кого-то — восстановить истину. И для меня это самый главный элемент передачи, сверхзадача — восстановление справедливости. Или хотя бы того, что ее заменяет. Когда Анатолий Жигулин рассказывал в «Старой квартире», как он со товарищи в ГУЛАГе на урановых рудниках в одной рубашке прислонялись

к вагонетке, тем самым вплотную прикасаясь к смерти, и чудом выжили, то это повествование — именно замена справедливости, ибо сказать, что она восстановлена, нельзя, те годы не вернешь, как взятые в долг деньги. И виновных не накажешь — иных уж нет, а те — на даче... Но по крайней мере человек при жизни, перед концом века успел это сказать.

Есть и другое — просто быт, годы, примирительность. К стати, первое время я никак не мог примирить тех и этих, левых и правых. Вспыхивали страсти, и всплывали обиды, и выплескивались с экрана. Особенно, когда в «Старой квартире» переживали 30-е годы или незабываемый 1953-й. Для кого-то он был светлым, для кого-то траурным. И я понял, что это примирить нельзя. Многое можно, но не это.

Что ж, тогда, наверное, стоит сосредоточиться на том многом, где это примирение и возможно, и желательно?.. «Чернухи», увы, не избегало и искусство, и, возможно, она даже органична, как перчинка в борще... Но не стряпать же борщ из одного перца!..

Наше кабаре — театр веселый, он заряжает публику не взрывчаткой, а хорошим настроением, и это, согласитесь, достойный примирительный элемент. Практика показывает, что морду и другие важные области быта, как правило, в плохом настроении... И даже интеллигентные деятели академических театров.

В силу того, что я пытаюсь нагнетать это хорошее настроение в массы, волей-неволей заряжаюсь оптимизмом и сам: кое-что уже успел, и впереди, надеюсь, есть пространство и время.

Монолог Григория ГУРВИЧА из «Летучей мыши» печатал на бумагу Юрий СОКОЛОВ, «Известия».